

4. Husserl E. Inaugural lecture 1917 // Husserl: shorter works. Indiana: University of Notre Dame Press, 1981. P. 46–62.
5. Best K., Kellner D. Postmodern theory. N. Y.: The Guilford Press, 1991.
6. Adorno T. Negative dialectics. London: Routledge, 1973.

Н. А. Скоробогачкая
В. В. Скоробогачкий
г. Екатеринбург

КЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ПОЗНАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВА ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СВЕТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

С течением времени становится явным, что современное обществознание, в том числе и философия, переживает период застоя. Перемены в этой области чрезвычайно поверхностны: обновляются темы, лексикон, цитируемые авторы, но сохраняются парадигмальные основы этого отношения, заложенные в далекие 1930-е годы. Известно, какую встряску получило обществознание с появлением концепции локальных цивилизаций О. Шпенглера. Почти одновременно нечто подобное произошло в естествознании с появлением теории относительности А. Эйнштейна, а в психологии — с появлением психоанализа З. Фрейда. К сожалению, советское обществознание и психология сумели выстроить защитную стену против «безумных» (по Н. Бору) идей и радикальных подходов новейшей науки. В советской России под флагом идеологизации науки и образования на самом деле были законсервированы базовые принципы классической науки. Консервация основ классической науки у нас была более глубокой, системной и продолжительной, чем на Западе. Маркс, Дарвин и Сеченов были объявлены неприступными горными вершинами, на склонах которых копошилась армия марксистских обществоведов, мичуринских биологов и павловских психофизиологов.

Насильственное (идеологическое) закрепление в отечественной науке установок, сформировавшихся в Новое время, оказало тормозящее воздействие на ее развитие и предопределило обособление и отставание советской науки от мировой. Особенно ярко это проявилось в области социального познания как объекта первоочередного внимания и контроля со стороны идеологических органов. Это обусловило, во-первых, возникновение пропасти между социальной реальностью и предъявляемым ею типом современных проблем и задач, с одной стороны, и теоретико-методологическим

арсеналом социальной науки, с другой. Во-вторых, социальная наука как особый общественный институт «выпала» из социальной реальности, превратившись в герметически закрытый, никому не нужный анклав, не пригодный не только для практических целей, но даже в целях образования. Мы говорим «даже», имея в виду близкую родственную связь между наукой и университетом. Основным назначением социального познания было обоснование идеологического мировоззрения, придание ему наукообразного характера. Поэтому инвективы, которые раздаются сегодня со стороны некоторых представителей социальных наук в адрес государства и общества, напоминают жалобы состарившейся куртизанки, покинутой прежними поклонниками, и демонстрируют непонимание ими сущности того, что происходит и с обществом, и с наукой.

Сегодня налицо не просто кризис методологии, а ее фактическое отсутствие, которое стыдливо маскируется лоскутками еще недавно модных концепций. В силу этого теоретический мир становится излишне герметичным и испытывает тягу к догматизации, прогрессирующей внутренней дифференциации и сокращению контактов и обмена между различными дисциплинами. Обращение исследователя к реальности в этих условиях опосредствуется внутридисциплинарным опытом и методикой (словарем заданных значений научных терминов, устоявшимися приемами и схемами систематизации и классификации) и существенно ограничивается низким уровнем междисциплинарного синтеза и коммуникации в науке. Это обстоятельство можно рассматривать и как причину, вызывающую застой в движении философской мысли, и как следствие того, что философия в значительной мере утратила статус языка современной науки, а значит, и способность быть фактором междисциплинарного синтеза и коммуникации в науке.

1. СТАГНАЦИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Кризис методологии (или ее отсутствие) в социальных исследованиях обусловлен продолжающейся до сего дня стагнацией научной парадигмы и ее разложением на компоненты. В силу этого возникает ситуация, когда те или иные подходы и программы исследований испытывают влияние не парадигмы как целого, а «рассеянной» суммы (полной или частичной) ее составляющих. Такое рассогласованное влияние компонентов парадигмы на процесс исследования может сопровождаться довольно острыми конфликтами парадигмальных установок, складывающихся в рамках одной парадигмы. Среди компонентов парадигмы сохраняют зна-

чение следующие требования к научному познанию: универсальность, каузальный детерминизм, эссенциализм, монизм, дифференциация и специализация. На их основе формируются ключевые онтологические представления, из которых складывается образ реальности, картина мира. Но эти представления уже не отвечают новому критерию реальности и предопределяют расхождение между образом и действительностью.

Требование *универсальности* знания исходит из гомогенности (однородности) предметной области познания. Поскольку в ходе исследования происходит расширение теоретического пространства, в нем появляются особые, выделенные точки, имеющие признаки «чужеродности», индивидуального своеобразия, выбивающиеся из общего ряда. Это то, что называется случайностью как противоположностью необходимого и закономерного. И тогда возникает задача переработки этого «сырья» в готовый продукт (знание, соответствующее определенному стандарту). Но в любом случае наличие особенного и случайного рассматривается либо как результат незавершенности теоретической работы, либо как следствие объективной «неправильности» самого явления (факта). Иными словами, требование универсальности в области общественнознания может стать своеобразной «бритвой», устраняющей из науки все особенное, связанное с так называемыми условиями, обстоятельствами места и времени. Универсализм классической науки не в ладах с историческим подходом, и вся острота этого конфликта ярко представлена в полемике Данилевского и Шпенглера с приверженцами всемирно-исторической школы.

Принцип *каузальности* требует рассматривать изучаемое явление в интервале между причиной и следствием, а сам интервал представляет собой подобие «черного ящика», внутри которого действует невидимый, гипотетический механизм порождения (обновления). Будучи непосредственным (конечным, результирующим) выражением всемирной связи, или субстанции как *causa sui*, причинное отношение является точкой превращения потенциального в актуальное, *ничто* — в некое событие. Тогда реальность представляет собой серию таких точечных проявлений *causa sui*, отдельных (особенных) воплощений всеобщего, вытянутых вдоль осевой линии, ведущей из прошлого в будущее. Таким образом, принцип каузального детерминизма превращает горизонталь, на которой сосуществуют (*со-бытийствуют*) разнородные и многообразные явления-события, в вертикаль развития-восхождения, отдает приоритет диахроническому перед синхроническим. В мире линейных и одноподнаправленных процессов события различаются

степенью полноты выражения в них всеобщего начала: всякое последующее событие характеризуется более высокой степенью причастности к всеобщему (истинному). Вытекающий отсюда релятивизм обесценивает прошлое как заведомо неполное и искаженное выражение всеобщего (истинного), делает его ступенькой к настоящему и будущему. Настоящее, в свою очередь, становится образцом и мерой для оценки прошлого. С этой точки зрения, любое особенное, инородное явление, не соответствующее образцу, интерпретируется как принадлежащее прошлому и подлежащее исправлению — переделке в соответствии с установленным образцом, мерой так называемой современности. Концепция модернизации — важнейший идейный продукт классической парадигмы в эпоху ее заката и кризиса. Необходимой составной частью этой концепции является теория «догоняющего развития», на которое обрекаются страны и общества, не отвечающие стандарту современности.

Третий компонент классической парадигмы — *эссенциализм*, устанавливающий, что познание движется от явления к сущности как наперед заданной и конечной инстанции бытия. Сущность — это «ядро», изнутри структурирующее действительность и падающее ее истиной и смыслом, то есть придающее ей характер как законченного и разумно устроенного целого, а также упорядочивающее ее элементы в соответствии с их местом в структуре этого целого. Череда явлений-событий, размещенных вдоль осевой линии, направленной снизу вверх, от прошлого к будущему, представляет последовательность частичных образов сущности, ступеней лестницы, ведущей к истине. В рамках классической парадигмы сущность утратила трансцендентный характер, она обмирщена и располагается в границах реальности, но по-прежнему неисчерпаема: никакая сумма конечных величин не равна бесконечному. Унылая последовательность четверть- и полуистин в конце концов рождает обратную реакцию — стремление выйти за пределы рафинированного теоретического мира в мир грубой практической повседневности и пайти искомый ответ в антиподе сущности — случайном, конечном и единичном.

Принцип *монизма* включает в себя несколько взаимосвязанных требований: исходить из одного (единого) начала, соблюдать логическую последовательность и непротиворечивость рассуждения, добиваясь в итоге обоснованного (отвечающего критериям истинности) ответа-вывода. В соответствии с принципом монизма движение теоретической мысли (и строение теории) получает характер дискурса. Одним из проявлений дискурсивного строя мыш-

ления является убеждение в том, что истина находит свое (пусть относительное и неполное) воплощение в рамках одной, единственно верной теории. Существование двух или нескольких конкурирующих теорий допускается только как временное явление, оправданное чрезвычайной сложностью объекта и неразработанностью адекватного этой сложности методологического инструментария познания. Но поскольку наука испытывает непреодолимую склонность к гипотетико-дедуктивному типу теории, к методу альтернатив и в силу этого избегает окончательных выводов, то функция временного замещения отсутствующей «полноценной» и однозначно признанной теории возлагается на философию. Так, в споре между мичуринской биологией и генетикой роль арбитра взяла на себя марксистско-ленинская философия в лице Сталина и Митина.

Защитным механизмом против вмешательства в дела науки извне была установка на *дифференциацию* и *специализацию* научного познания (знания). Распределение реальности на предметные области шло параллельно с возникновением эмпирического уровня познания со специфической методологией, принципами организации и критериями достоверности и правильности полученного знания. Накопление исходной базы данных (фактов) способствовало формированию гомогенного теоретического пространства науки. Однако с этого времени связь теоретической науки с реальностью опосредствуется состоянием и качеством ее эмпирического базиса. Действительным предметом науки оказывается особая предметная область — система фактов, способы их производства и методика проверки. И очень часто внутренние, цеховые проблемы базиса науки предъявлялись теории в качестве проблемы самой реальности. Так, обсуждение неудачных результатов эксперимента Майкельсона — Морли по измерению скорости света превратилось в бесплодную теоретическую дискуссию, завершившуюся через двадцать лет радикальной трансформацией парадигмы физической науки и созданием специальной теории относительности.

Это обстоятельство усугублялось другим: теоретическое пространство науки с самого начала распадалось на сравнительно узкие сферы в соответствии с особенностями исходной базы данных. Со временем это привело к отделению узких специальных дисциплин друг от друга и к формированию мозаичной картины мира, в которой ее различные фрагменты соединялись чисто внешним образом. Это распадение мира науки ослабляло эвристические возможности каждой отдельной дисциплины и усиливало тенденцию к обособлению узкоспециализированных отраслей познания от реальности, к замыканию их в кругу «цеховых» проблем,

связанных с обсуждением вопросов методики и техники эмпирических исследований, методологических или концептуальных подходов и программ теоретического анализа.

В то время как дух неклассической науки привел к обновлению парадигмы в естественно-научной и гуманитарной сферах, отечественное обществознание по-прежнему остается в поле «рассеянного» и противоречивого влияния классической парадигмы. Вот это обстоятельство и является решающим при оценке состояния, характера и перспектив социальных исследований. Никакие перемены в этой области не будут эффективными без изменения методологической ситуации, без коренного сдвига в парадигмальных установках общественной науки. Исходя из этого, мы должны отдавать себе отчет в том, что отечественное обществознание в его нынешнем состоянии не может внести серьезный вклад в исследование кардинально обновляющейся социальной реальности.

2. Далеко ли мы ушли от истмата?

Существуют ли реальные предпосылки для обновления исследовательской парадигмы? Отказ от истмата и его наследия в области методологии социального познания, на наш взгляд, является принципиальным условием выхода из методологического тупика. Первым шагом на этом пути является переосмысление знания как явления не только гносеологического, но социального и аксиологического. Роль знания универсальна: без него невозможно существование и функционирование социальных систем. Поэтому социальное «качество» знания, отвечающее требованиям современной цивилизации, является острой научной и политической проблемой.

Но если взглянуть на указанную проблему в более широкой панораме исторической смены индустриального общества обществом постиндустриальным, информационным, станет очевидно, что на пороге новой цивилизации кардинально меняется тип знания и, соответственно его социальный статус. Россия в настоящее время необратимо двинулась в направлении цивилизации Третьей волны, но следует иметь в виду, что необходимым условием этого движения является формирование нового типа социального знания. Новое знание не возникает как простое следствие или аспект, составная часть становления цивилизации Третьей волны. Напротив, трансформация существующего типа знания предшествует фундаментальным сдвигам, провоцирует и поддерживает такие сдвиги, придавая разрозненным, стихийным и фрагментарным в начале попыткам форму системно организованного, многоуровневого процесса.

В этом плане проблема производства социального знания оказывается чрезвычайно актуальной с точки зрения перспектив обновления социальной, политической и экономической систем нашего общества, которое (обновление) стало знаком нашего времени, времени перемен. Далеко ли мы ушли от исторического материализма — вопрос не праздный и не риторический. Если мы остаемся в границах прежнего — идеологического — способа производства знания, это означает, что российское общество безнадежно застрянет в изъезженной колее прошлого и надежды на успешное решение скопившихся задач в принципе бесосновательны. Именно в сфере производства знания, а не в плоскости финансов, техники или человеческих ресурсов лежит ключ к решению основных задач, стоящих перед российским обществом.

Обсуждение тех или иных подходов к обновлению парадигмы социального познания будет плодотворным только в том случае, если мы будем рассматривать эти подходы в указанном контексте. Этот контекст должен быть осмыслен и продуман, должен быть подвергнут методологической рефлексии, а любой из предлагаемых подходов должен отвечать трем условиям: 1) гносеологическому (необходимая и достаточная полнота теоретико-методологического арсенала), 2) социальному (результаты применения данного подхода должны обеспечить общественную признанность, ангажированность социального знания) и 3) аксиологическому (ведущая философско-политическая установка времени).

Мы будем исходить — без специального предварительного обоснования — из допущения, что искомым подходом является социокультурный. С нашей точки зрения, он является философско-методологической альтернативой истмату и может способствовать трансформации научной парадигмы, переходу от ее классической формы к современной. В качестве теоретико-методологического основания в пользу такого выбора говорит то обстоятельство, что данный подход позволяет преодолеть ограниченность и односторонность господствовавшего в классической социальной науке экономического детерминизма. Последний берет начало не у Маркса, а у отцов английской политической экономии. Вопрос о том, что именно является базисом: производственные отношения (Маркс), институт собственности (Прудон) или техника, оказывается второстепенным, спором между «своими», внутри одного направления. Социокультурный подход, как он сложился в работах П. А. Сорокина, позволяет расширить круг источников, причин и факторов общественных процессов, дать более широкую и детальную картину взаимодействия и взаимосвязи различных элементов, уров-

пей и подсистем общественного целого, по-новому рассмотреть влияние духовных ценностей, научных, моральных и художественных идей и политических идеологий на жизнь общества и человека.

Важнейшим положением социокультурного подхода является признание равноправности ценностей и фактов. В истории философии и науки Нового времени имелись попытки их ранжирования по вертикали. С точки зрения Бэкона, ценности как идолы человеческого сознания, порождаются социальным, родовым и коммуникативным контекстом жизни человека в условиях цивилизации средневековья, для которой характерен религиозный синкретизм, подчинение разума вере. Они составляют барьер на пути объективного познания, предмет которого — факт, заключающий «в себе» вещь в ее истинной форме. С точки зрения Риккерта, напротив, возможность открытия истины для человеческого сознания опосредствована ценностями, которые тем самым ставятся выше фактов. С точки зрения социокультурного подхода, ценности и факты — два элемента, соединение которых обуславливает характерные особенности социальной реальности, отличающие ее от природы.

Более того, социокультурный подход предвосхитил и опередил появление принципа дополнительности, который ныне признается ведущим не только в естествознании, но также в социальном и гуманитарном познании. Культура и социум, взятые в их относительной самостоятельности и равномошности, — два полюса, образующие необходимый ракурс рассмотрения социальной реальности с точки зрения *динамики*.

Вот это обстоятельство — возможность рассматривать социальную реальность с точки зрения динамики — является сегодня, на наш взгляд, решающим при выборе путей и направлений развития науки. Решающим для нас, находящихся в ситуации исторического перелома. Переход, отрицание, становление нового и тому подобные категории образуют каркас современного мировосприятия, социальной картины мира. Социокультурный подход обладает достаточной гибкостью для того, чтобы учитывать характер задач, стоящих перед социальной наукой; в этом характере отпечатываются особенности переживаемого обществом времени и порожденной этим временем социальной психологии. Без этого наука не имеет шансов на общественное признание, на институционализацию своих результатов, на их воплощение в действительность. Мы часто недооцениваем эту сторону дела — отношение общества к науке и ученым, готовность признать их деятельность и результаты. Это не только вопрос финансирования, это вопрос о социальном

статусе и престиже науки и профессии ученого, о притоке молодых и талантливых умов, о способности общества понять и в должной мере оценить новые знания, а также идеи и смыслы, которые наука вносит в мир. В конце концов, для того чтобы общество признало продукт социального познания — знание и сделало знание материалом социального конструирования, а точнее, реконструкции реальности, необходимо формировать доверие общества к науке как социальному институту и социально необходимой и ответственной профессии, к сообществу ученых.

Второе обстоятельство — потенциал *проективности*, заключенный в социокультурном подходе. Мы вступили в эпоху технологий, когда вопрос «как?» гораздо важнее вопроса «что?», хотя сравнительно недавно дело обстояло противоположным образом. Именно поэтому абстрактно-гносеологический образ науки и знания, образ ученого-отшельника, ищущего отвлеченную, недоступную «профанам» истину и тем отчуждающего себя от общества, не соответствует более духу времени. Результаты социального познания должны быть технологичными, открытыми и в принципе применимыми на практике с теми или иными целями. Социокультурный подход снимает былую перегородку между культурой и социальной реальностью в ее повседневности, между высокой духовностью и «низкой» материей, между ценностями и пользой, истиной и практическим действием. Продуктом данного подхода является новый тип социального знания, которому свойственна гуссерлевская интенциональность — направленность на предметность, стремление к реализации, тенденция к выходу знания из мира теории в мир повседневной практики.

Смысл социокультурного подхода отчетливо виден при контрастном сопоставлении его с этатизмом. Этатизм — это политическая философия и политическая практика, основанная на классической парадигме науки. Ее суть заключается в признании первенства института государственной власти перед обществом, культурой, экономикой, личностью, гражданской инициативой. С точки зрения этатизма, все это — только производные, только следствия, рожденные действием государственной власти как первопричины всех общественных явлений. Государство — центр этатизированного мира, его перводвигатель. В России этатизм воплощался в жестком иерархическом строении власти, социальных отношений, культуры и в господстве силовых и административно-командных методов управления. Его геометрический символ — пирамида, мертвой глыбой подавляющая живую спонтанность социума и индивидов.

В теоретическом аспекте этатизм проявлялся в виде монистического взгляда, объявляющего случайным и второстепенным все индивидуальное, многообразное и различное. В методологическом отношении он проявлялся как господство познавательных приемов, обеспечивающих восхождение от конкретного к абстрактному, как господство теоретической схемы над реальностью. Этатизм по существу несовместим с политикой, если понимать под политикой форму публичного выражения, согласования и реализации интересов различных социальных групп, поскольку он в принципе отрицает демократию и тяготеет к авторитарным формам правления и к инициированию общественных процессов сверху вниз. В рамках этой социально-политической конструкции территория и народонаселение страны, ее регионы рассматриваются как подчиненная центру периферия, как внутренняя колония столицы-метрополии и не имеют никакого самостоятельного значения. В данном отношении очевидно, что социокультурный подход включает в себе ценностно-политическую установку на демократию — тип общественной организации, которому соответствует новый тип социального знания и в котором реально возможна свобода и объективность научного поиска.

Эти размышления об этатизме — не исторический этюд, поскольку современная политическая философия и практика в России во многом остаются в идейных границах этатизма. Он даже получает своеобразное возрождение на фоне тенденций к восстановлению жесткого централизма в системе государственного устройства и государственного управления, попыток воссоздания монопольно правящей политической партии и разработки новых вариантов государственной идеологии. А воспроизводство этатизма как практики и как системы идей и ценностей является основным препятствием на пути формирования новой парадигмы социального познания.

А. Г. Кислов
г. Екатеринбург

К ПРОБЛЕМАМ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АРТИКУЛЯЦИИ МЫСЛИ В ЯЗЫКЕ

1. *От теоретических дисциплин к живой риторике и неформальной логике: pro et contra.* Начиная с Аристотеля, через формирование университетского образования в средние века, через феномен Пор-Рояля, «Эристику» А. Шопенгауэра и мн. др. (а